

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 62–83.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 62–83.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-62-83

ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ИДЕЙНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Николай Сергеевич Чижков

Институт философии РАН,
Москва, Россия, chizhkovns@iph.ras.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1011-3282>

 Аннотация. В статье исследуется влияние немецкой мысли эпохи Просвещения на идейное формирование отечественного мыслителя, историографа, литератора Н. М. Карамзина. Показано, что обучение в пансионе профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена оказало влияние на ряд фундаментальных идей Карамзина, которые мы встречаем во всем творчестве мыслителя. Это касается таких проблем, как национальная идентичность и ее истоки, национальная культура и пределы внешнего на нее влияния, образование и политические свободы, народ и власть, нравственный облик власти. Не менее важную роль в становлении философских и социально-политических идей Карамзина сыграло его путешествие по Европе, в ходе которого он посетил Иоганна Готфрида Гердера и Иммануила Канта, а также стал свидетелем кровопролитной революции во Франции. В заключительной части ста-

© Чижков Н. С., 2023

тьи проводится идейное сравнение точки зрения Н. М. Карамзина с позициями М. М. Сперанского и П. А. Вяземского об институциональном закреплении прав и свобод граждан в государстве и о необходимости конституции в России.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, И. М. Шаден, И. Кант, немецкая философия, эпоха Просвещения, нравственный закон, свобода

Ссылка для цитирования: Чижков Н. С. Влияние немецкой философии эпохи Просвещения на идейное формирование Н. М. Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 62–83. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-62-83.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

THE INFLUENCE OF THE ENLIGHTENMENT GERMAN PHILOSOPHY
ON THE IDEOLOGICAL FORMATION OF N. M. KARAMZIN

Nikolay S. Chizhkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, chizhkovns@iph.ras.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1011-3282>

Abstract. The article studies the influence of the German philosophical thought of the Enlightenment on the ideological formation of the Russian thinker, historiographer, and writer — N. M. Karamzin. It is shown that the boarding school of professor of Moscow University Johann Matthias Schaden influenced on fundamental ideas of Karamzin, which we meet in all his works. This applies to such issues as: national identity and its origins, national culture and the limits of external influence on it, education and political freedoms, people and state power, the moral image of state. His trip to Europe was played equally important role in the formation of Karamzin's philosophical and sociopolitical ideas. During his trip Karamzin visited Johann Gottfried Herder and Immanuel Kant, and also witnessed the bloody revolution in France. In the final part of the article, we compare the ideas of N. M. Karamzin and M. M. Speransky and P. A. Vyazemsky about the institutionalization of rights and freedoms in the state and necessity of a constitution in Russia. M. M. Speransky and P. A. Vyazemsky were influenced by the logic of the French thought of the Enlightenment.

Keywords: N. M. Karamzin, I. M. Schaden, I. Kant, German philosophy, Enlightenment, moral law, freedom

For citation: Chizhkov, N. S. (2023) "The influence of the Enlightenment German philosophy on the ideological formation of N. M. Karamzin", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 62–83. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-62-83.

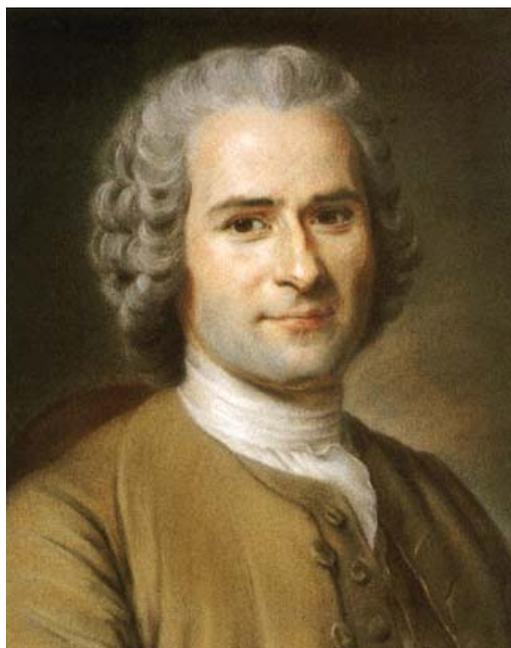
Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) с юных лет находился под сильным влиянием мыслителей эпохи Просвещения. Следы этого влияния мы обнаруживаем практически во всех литературных, публицистических, общественно-политических и исторических трудах ученого. Принято считать, что на формирование мировоззрения Карамзина оказали определяющее воздействие как французские просветители, так и немецкие. Если говорить о влиянии французских мыслителей, то следует обратиться к трудам Ю. М. Лотмана, который справедливо выводит республиканизм Ка-

В. А. Тропинин. Портрет Николая Михайловича Карамзина. 1818

рамзина из его увлеченности сочинениями Ж.-Ж. Руссо. Однако, на наш взгляд, определяющее значение в становлении философских и социально-политических идей Карамзина оказали именно представители немецкого Просвещения, в частности Иоганн Матиас Шаден, Иоганн Готфрид Гердер и Иммануил Кант.

При всей идейной схожести французского и немецкого Просвещения они имели свои особенности в подходе к изучению различных аспектов человеческой жизни. Французские мыслители акцентировали внимание на социально-политических вопросах устройства государства и общества. Они стремились создать политическую доктрину, где были бы институционально закреплены основные права и свободы граждан. Все это, по

М. Кантен де Латур. Портрет
Жана-Жака Руссо. Ок. 1753

Иоганн Готфрид Гердер
(1744–1803)

их мнению, способствовало бы развитию каждого конкретного человека и приближало все общество к общему благу. Немецкие философы сосредоточили внимание на вопросах нравственности, личностного и интеллектуального совершенствования человека, то есть на философско-антропологических проблемах. Они искали ответы внутри самого человека, стремились понять природу разума и нравственного закона, изучали влияние свободы и долга на моральный выбор человека. Социально-политические вопросы, а также создание политической доктрины у немецких мыслителей были вынесены на второй план. Таким образом, их подход в изучении государства и общества основывался на философском учении о человеке. Немецкие мыслители анализировали природу человека, его права, обязанности и моральные ценности. Они стремились понять, как все это может лечь в основу справедливого государства и этического общества. Вся эта тематика оказывается и в центре внимания Карамзина.

Одной из ключевых идей Просвещения была идея свободного и независимого разума. В 1784 году И. Кант сформулировал главный лозунг Просвещения: «Имей мужество пользоваться собственным умом!» Немецкий философ полагал, что человек должен «выбраться из состояния несовершеннолетия», а единственно возможный путь к этому лежит через свободное «публичное пользование собственным разумом» [Кант, 1994, с. 29, 30, 31]. Публичное использование собственного разума подразумевает, что люди должны иметь свободу выражать свое мнение, анализировать информацию и делать выводы

Христиан фон Вольф
(1679–1754)

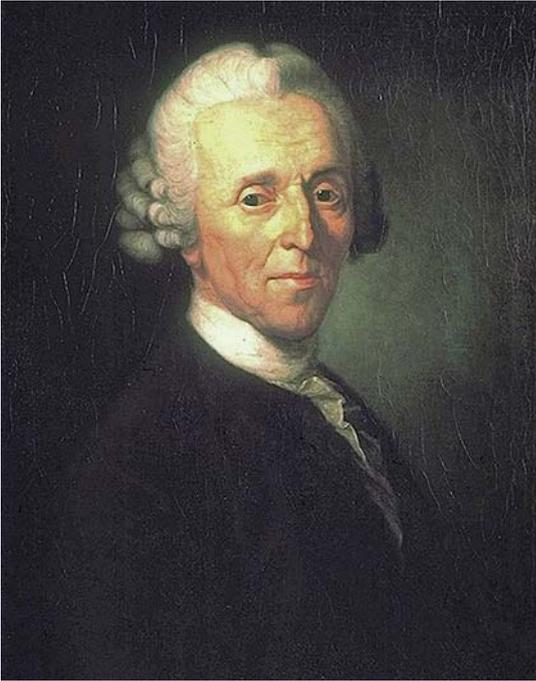

Иммануил Кант
(1724–1804)

на основе своего разума, а не слепо принимать то, что им говорят. Свободное использование собственного ума позволяет постепенно двигаться в сторону просвещения и способствует интеллектуальному росту и развитию личности. Такое систематическое самосовершенствование и использование своего ума Кант называл «культурой ума». Идея свободного использования разума и выхода из несовершеннолетнего состояния была важной частью философии Канта и стала ключевым элементом его размышлений о том, как общество и человек могут двигаться в сторону более разумного и светлого будущего.

Поэтому Кант высказывал крайне негативное отношение к революциям и насильственным изменениям власти. Он пишет: «Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же, как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы» [Кант, 1994, с. 30–31]. Кант поддерживал идею правового государства, где законы и права индивида считались бы основой справедливости и порядка. Он считал, что революции и насилие могут привести к хаосу и нарушению законов, что в свою очередь может угрожать моральным и правовым основам государства и общества в целом.

Однако немецкое Просвещение не было чем-то цельным и теоретически единым. Например, Христиан Вольф и Иммануил Кант имели значительные

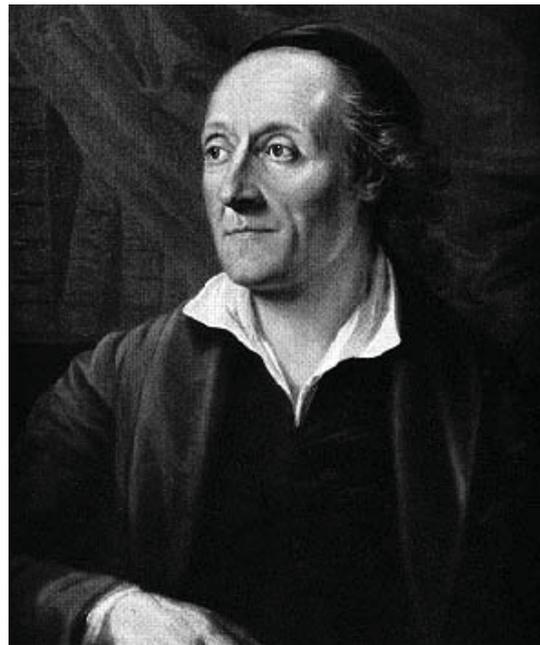
А. Графф. Портрет Христиана Фюрхтеготта Геллерта

расхождения по многим ключевым вопросам как метафизики, так и практической философии. Вольф разработал концепцию «полицейского государства» (Polizeistaat), в которой государство должно играть активную роль в управлении обществом и опекать население ради его же собственного блага. Он считал, что государство должно устанавливать нормы и правила для обеспечения порядка и благополучия. Эта концепция предполагала, что государство может контролировать различные сферы жизни, включая экономику, образование и религию. Кант, в свою очередь, придерживался идеи моральной автономии личности и считал, что государство не должно вмешиваться в нравственные

решения человека. Такое вмешательство губительно для нравственности человека, поэтому он был противником государственной опеки и абсолютизма. Согласно Канту, человек считался целью сам по себе, а не только средством для достижения каких-либо общественных целей.

Выбор Карамзина в пользу немецких мыслителей был определен двумя ключевыми факторами его биографии. В первую очередь это образование, которое он получил в пансионе профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена (1731–1797), куда был направлен отцом в возрасте 12 лет. «Шаден сам давал воспитанникам уроки латинского, древнегреческого и немецкого языков, а также истории, географии и основ философии — логики, метафизики, эстетики» [Кара-Мурза, 2016, с. 104]. Система обучения и воспитания в пансионе профессора Шадена строилась на идеях моральной философии Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769) и этическом учении Иоганна Каспара Лафатера (1741–1801). В трудах Геллерта можно найти рассказы и эссе, в которых обсуждаются нравственные ценности, добродетели и обязанности. Мыслитель придавал большое значение образованию и воспитанию молодых людей, особенно в области нравственности. Этическая философия Лафатера была направлена на внутренний мир человека и его духовное развитие, она соединялась с верой в чудеса и мистицизмом. Следует отметить, что Шаден непосредственно не преподавал их идеи, а скорее применял к жизненным реалиям своих учеников.

В основном Шаден передавал свои мысли ученикам и воспитанникам в форме лекций и за свою жизнь практически ничего не написал. Сохранился ряд его записанных речей¹, которые он произносил на разных торжественных мероприятиях. Несмотря на отсутствие публикаций профессора, зная основные мировоззренческие установки Карамзина, мы можем выделить ряд идей, которые в том или ином виде встречаются у Шадена. Даже такая широко известная работа Карамзина, как «Историческое похвальное слово Екатерине II» [Карамзин, 2009, т. 17, с. 87–142], написана под несомненным влиянием профессора.

Иоганн Каспар Лафатер
(1741–1801)

Первая и, пожалуй, основная мысль, которую мы не раз встречали в разных произведениях Карамзина, касается невозможности заимствования и переноса идей из одной культуры в другую. Шаден считал, что все должно строиться и основываться на национальных чертах народа, как во внешних проявлениях, так и во внутреннем духовном мире человека. Он был противником Петровских реформ, которые, по его мнению, отдалили русских от их национальной культуры и разделили общество; выступал за то, чтобы русские вернули боро-

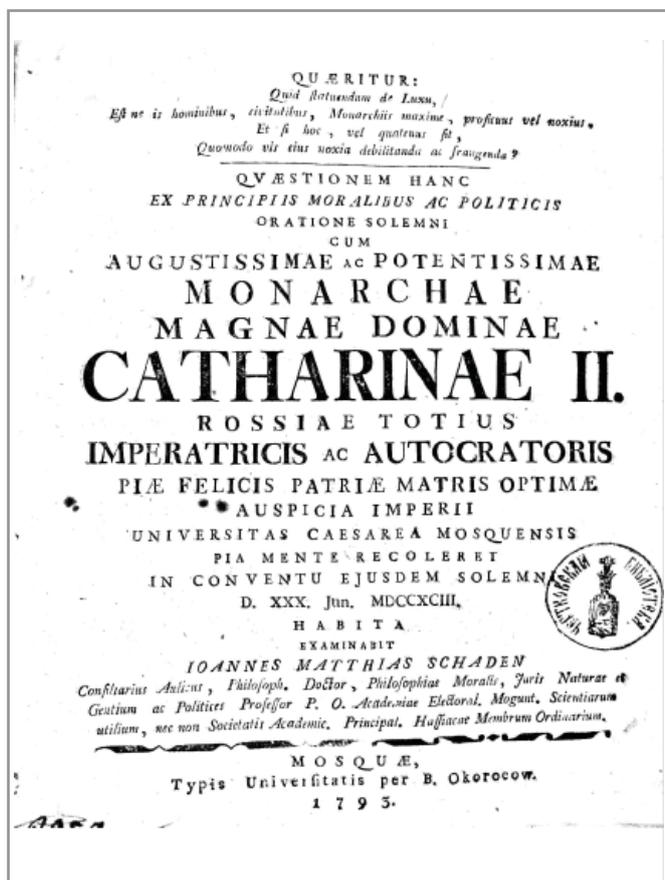
¹ Перечень речей Шадена, которые приводит Н. С. Тихонравов: «*De anima legum*» (1767) — «О духе законов»; «*Oratio solemnitas de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum, artiumque studia*» (1770) — «О праве обладателя в рассуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных»; «*De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum circa educationem liberorum*» (1773) — «О праве родителей в воспитании детей»; «*Oratio de Monarchiis amor Patriae excitando et fovendo maxime artis ac eodem praecipua in iis legum anima*» (1775) — «О монархиях, способных возбуждать и питать любовь к отечеству, и о том, что любовь сия есть главная законов в монархиях»; «*Panegyricus de Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedicanti*» (1779) — «Похвальное слово о Екатерине Великой, первой из законодателей, премудро основавшей законодательство свое на Совестном Суде, ею учрежденном»; «*Oratio solemnitas de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duratae fundamento praecipuo et pulchro, in Monarchiis maxime*» (1781) — «О воспитании благородства юношества, яко основании продолжительной народной славы в монархическом наипаче правлении»; «*Quaeritur, quid statuendum de luxu est, ne in hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda*» (1793) — «Спрашивается: вредна ли, или полезна роскошь частным людям, городам и паче Монархиям, а ежели вредна, то до какой степени и как прекратить и ослабить вредное ее воздействие» [Тихонравов, 1898, с. 63].

ды и национальные кафтаны. Следует также отметить, что, будучи лютеранином, Шаден в пансион к своим ученикам приглашал православного священника, так как считал, что национальная культура должна лежать в основании образования и воспитания подрастающего поколения. Профессор полагал, что культурные особенности и ценности народа должны учитываться при разработке законов и институтов, чтобы они лучше соответствовали потребностям и особенностям конкретного народа. Схожей позиции придерживался и Карамзин. Он говорил о вредности механического копирования институтов и знаний из других стран без учета собственной культурной, исторической и социальной специфики. По мнению историографа, государство должно разрабатывать собственные решения, а не слепо следовать иностранным образцам.

Вторая идея связана со свободой человека, которая, как учил Шаден, истекает из его божественной природы. У Карамзина мы обнаруживаем двойственность в его концепции свободы. Мы полагаем, что она возникла под влиянием профессора. С одной стороны, Карамзин рассматривает свободу как проявление человеческого достоинства, присущего ему от рождения. Достоинство носит божественное происхождение, так как человек был создан по образу

и подобию Бога. Оно не должно зависеть от заслуг или внешних обстоятельств. С другой стороны, Карамзин утверждал, что свобода позволяет человеку жить согласно его национальному духу и культурным традициям. Это не просто подчинение внешним нормам или обстоятельствам, а способность человека самореализовываться в контексте общности культурных убеждений своего народа.

Третья идея касается нравственного поведения. Шаден полагал, что человека практически невозможно научить нравственности, так как ею управляет не рассудок, а сердце. Но ему можно привить вкус к добру и отвращение ко злу, демонстрируя образцы добродетели. Карамзин придавал

Книга хранится в Государственной публичной исторической библиотеке России

большое значение образованию и просвещению в формировании нравственности и морали человека, особенно в сознательном возрасте. По его мнению, сердце может управлять нравственностью в молодости, но взрослый человек должен принимать нравственные решения, опираясь на знания, полученные в ходе его обучения.

Четвертая идея, которая в значительной степени оказала влияние на политическую и социальную философию Карамзина, относится к форме государственного устройства. Шаден придавал большое значение моральным требованиям во взаимоотношениях между правителем и народом. Он считал, что абсолютная монархия имеет преимущество перед другими формами правления, так как она может, основываясь на нравственном законе и принципах общего блага, воплощать высшие нравственные ценности в жизнь. Шаден считал, что в других формах правления, таких как конституционная монархия, существует опасность разрыва между нравственной связью народа и правителя, а законы могут подчиняться интересам доминирующих групп, что может угрожать нравственным основам общества. «Лучше повиноваться законам под одним господином, — пишет Шаден, — нежели угождать многим. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра» [Шаден, 1793, с. 6]. Шаден полагал, что при ограничении власти монарха возникает опасность того, что реальную власть в государстве могут получить люди, чьи действия мотивированы личным интересом, а не общим благом. Тогда монарх, будучи ограничен законом, не сможет противостоять ухудшению положения дел в стране.

Карамзин симпатизировал республике, республиканским ценностям и, возможно, на тот момент скептически воспринимал слова учителя. В полной мере он осознал то, о чем говорил Шаден, позже — во время своего заграничного путешествия по Европе, по итогам которого опубликовал «Записки путешественника» [Карамзин, 2009, т. 13, с. 7–472]. В ходе путешествия Карамзин стал свидетелем кровопролитной революции во Франции. Именно результат Французской революции стал вторым определяющим фактором, который отдал его от логики французских мыслителей и способствовал более основательному изучению немецкой мысли. Анализируя результаты революции во Франции, Карамзин сделал вывод: лишь эволюционный путь развития, при котором сохраняется исторически сформировавшаяся и законная власть в стране, может обеспечить народу процветание. Вскоре после увиденного во Франции он написал следующее:

Златое дневное светило
Примером, образцом мне было...
Почто, почто, мой друг, не век
Обманом счастлив человек?
Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;
Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет, —
И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно.

[Карамзин, 2009, т. 14, с. 63]

Революционные события во Франции вынудили Карамзина переосмыслить его представления о республике. В. К. Кантор считает, что «именно после нее [Французской революции] Карамзин задумался о преимуществах самодержавия» [Кантор, 2023, с. 33]. Действительно, Французская революция способствовала поиску аргументов в пользу просвещенного абсолютизма. Однако Карамзин до конца своих дней не отказался от республиканских ценностей и осуществление перехода от монархии к республике считал возможным только через образование и просвещение населения. Это отличало его от многих современников, придерживавшихся республиканских ценностей, которые видели возможный переход к республике исключительно в радикальных преобразованиях, таких как институциональные реформы, ограничивающие власть монарха, либо революционные перемены. В дальнейшем Карамзин сформулирует идею о том, что не форма государственного устройства определяет мирное и справедливое сосуществование людей, а интеллектуальное и нравственное развитие каждого отдельного человека.

Перед тем как посетить Францию, в которой на тот момент уже разгорались революционные события, и встретиться с Лафатером, русский путешественник встретился с Кантом и Гердером. Гердер один из первых выдвинул идею национального государства, основанного на народном духе. Она возникла у него из идеи естественного права и носила гуманный характер. В силу своих убеждений Гердер был противником насильственного захвата власти, так как считал, что это противоречит естественному ходу вещей и разрушает сложив-

шиеся национальные культуры. У Карамзина мы встречаем схожую идею национального государства, которую он подкреплял примерами из российской истории. Так же, как и у Гердера, может быть в меньшей степени, у Карамзина присутствовала идея о духе народа, который является неотъемлемой исторической частью любого существующего государства. По мнению историографа, дух народа в первую очередь проявляется в любви к отечеству и основывается как на великих достижениях и завоеваниях в области науки и культуры, так и в военных заслугах.

Как и Гердер, Карамзин принимал тот факт, что завоевания могут разрушать сложившуюся на определенной территории культуру, как это происходило со множеством городов-государств Италии или, например, с русским городом Новгородом, которому историограф посвятил целую повесть. Но Карамзин видел в разрушении и подчинении Новгорода не только уничтожение народного духа, но и нечто большее — некое движение вперед. Ведь никогда не стоит забывать о том, что «судьба людей и народов есть тайна провидения» [Карамзин, 2009, т. 15, с. 120]. Кроме того, Карамзин в благополучии государства видит способность и умение постоять за себя, за интересы своего народа. Так, он восхваляет Екатерину II за ее победоносные действия в отношении Османской империи, которая на протяжении нескольких веков покушалась на российские, христианские земли².

Он также выступает против восстановления Польши в ее целостности, аргументируя это тем, что не стоит пригревать у себя под боком врага, который в любой удобный момент пожелает отнять величие нашего государства:

Христос велит любить врагов: любовь есть чувство; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять Государства. Вы Христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как Греки-язычники истребляли Персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к Религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ.

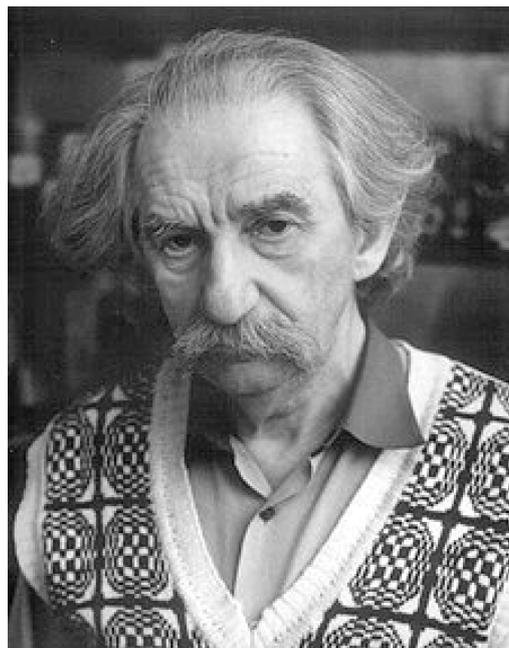
[Карамзин, 2009, т. 18, с. 10]

Стоит также отметить, что Карамзин не является ярким милитаристом, который видит единственно возможный путь развития и обогащения только в

² Тогда российский император считался покровителем всех православных народов, даже тех, которые юридически не входили в состав Империи, а их, в свою очередь, император считал своими подданными.

экспансии. Но в некоторых случаях такая политика бывает единственно возможным вариантом развития событий, в силу чего Николай Михайлович призывает и государство, и народ быть к этому готовым, чтобы не потерять свою идентичность и народный дух.

Не менее важна для Карамзина была встреча с Кантом. Этот выбор, как считает Ю. М. Лотман, определялся не географическими соображениями путешественника, поскольку Кёнигсберг «лежал у него в стороне, а не на дороге» [Лотман, 1987, с. 57]. Кант с его рационалистическим и «скептическим» учением был фигурой, порицаемой в масонских кругах, и рассматривался как антипод Лафатера.

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993).
Фотография Л. Зильбера

Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции — критическую философию и мистический энтузиазм... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли.

[Лотман, 1987, с. 66–67]

По мнению Лотмана, Лафатер и Кант отражали разные стороны душевного строя Карамзина: вера в безусловность человеческой доброты сочеталась в нем с критическим складом ума.

Возрастающий скептицизм в отношении масонства и движение от учения Лафатера в сторону Канта у Карамзина обозначились еще в Москве, но окончательный разрыв с масонским движением и отход от учения Лафатера произошли во время его заграничного путешествия. Позднее в «Письмах русского путешественника» Карамзин достаточно точно изложит суть этического учения Канта и опишет их отличия, придав при этом довольно ироничный тон своим суждениям о Лафатере, у которого было мистическое обоснование этических норм.

В учении Канта Карамзин обнаружил рациональное обоснование безусловного нравственного закона, который не зависит от целей и иных жела-

ний человека. Не менее важным для историографа было то значение, которое свободный и независимый разум оказывает на достижение общественного прогресса и распространения просвещения. Карамзин, как и Кант, разделял законы на два вида: законы природы и закон нравственного мира (законы свободы). Тем не менее мы видим разные понимания их деления. Карамзин под влиянием Просвещения исповедовал в молодости деизм, идеям которого во многом остался верен до конца своих дней. Но его также никогда не покидала идея Провидения, которую он усвоил еще в юности и никогда не сомневался в ее правильности. Таким образом, получается некое противоречие в его концепции между провиденциализмом и деизмом. Если Бог сотворил мир и более не вмешивается в его дальнейшее развитие, то каким образом действует Провидение? Карамзин не предлагает какого-то хорошо разработанного учения о примирении этих идей, как в свое время это сделал Кант, но реконструировать его взгляды все же можно.

По мысли Карамзина, Бог, создав реальный мир, в том числе и реальный социальный мир, сотворил и все законы, которые этим миром управляют. Создатель более не принимает участие в реальных событиях, поэтому люди и правительства ведут себя довольно просто в этом мире — они добиваются реализации своих интересов. При этом те, кто получил лучшее образование, могут эти интересы не только преследовать и реализовывать, но и убеждать остальную часть общества, менее образованную, в их законности и необходимости для достижения общего блага. Историограф пишет:

Можно ли в нынешних книгах или журналах... без жалости читать нынешние слова: настало время истины; истиною все спасем; истиною все ниспровергнем... Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностию? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода... Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов, а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою.

[Карамзин, 2009, т. 17, с. 45–46]

Карамзин придерживается мнения, что «основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание» [Карамзин, 2009, т. 17, с. 45–46]. Таким образом, либералы не менее ошибаются, когда говорят об установлении в государстве реального равенства. Они считают, что это будет способствовать распространению свободы и увеличению уровня счастья населения, но, по мнению Карамзина, счастье и свобода не связаны между собой. Более того, он сомневается, а «есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?» [Карамзин, 2009, т. 17, с. 46].

Для Карамзина человек — это реальное существо, которое живет в реальном мире и вынуждено подчиняться его законам. Законы реального мира существуют с момента его сотворения Богом, они неизменны. Карамзин разделяет это положение деизма. Поэтому человек в реальном мире борется за свои интересы, государства и правительства ведут войны за интересы своего народа, и так будет происходить еще очень долго. Но, по мысли Карамзина, у человека есть его бессмертная душа, которая способна поступать в соответствии с нравственным законом, то есть свободно, она может защищать более высокие ценности, а не отстаивать интерес. Поэтому, считает историограф, человеческая свобода заключается в следовании нравственному закону и возвышении над законами реального мира. В основании человеческой жизни находится свобода, но по-настоящему свободен не тот, кто ничем не ограничен в своих поступках, а тот, кто следует голосу совести в своей жизни. «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к Провидению!» [Карамзин, 2009, т. 17, с. 46].

Множественные противоречия, по мнению Карамзина, возникают в силу того, что нравственный закон был дан в Новом завете, гораздо позднее создания реального мира с его законами. Поэтому монарх должен очень четко понимать, как поступать в каждой конкретной ситуации. Его миссия состоит в том, чтобы обеспечить благо народа. Если нравственный закон говорит подставить вторую щеку, то это не значит, что врагу, который сжег твою деревню, можно позволить сжечь другую.

Историограф считал, что человек является духовным существом и обладает свободой, которая находится в его бессмертной душе. Каждый человек может определять свои поступки в соответствии с нравственным законом и действовать согласно своей совести и моральным убеждениям. Однако Карамзин также признавал, что в реальной жизни человек зависит от множества

обстоятельств и условий, которые могут ограничивать его свободу. Гармония с окружающими людьми и соблюдение нравственных законов могут сделать человека более свободным, но в реальной жизни полная гармония не всегда достижима. Человек иногда вынужден действовать в соответствии с законами реального мира и интересами, которые не всегда соответствуют его нравственным убеждениям. Поэтому разные эпохи в истории народов, по мысли Карамзина, отличаются тем, насколько все люди определенной эпохи способны основывать свои поступки на нравственном законе.

Эта способность постепенно откладывается и закрепляется в народном духе общими наклонностями и убеждениями, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свой выбор. Таким образом, свободу, то есть самоопределение, человек осуществляет внутри развивающегося народного духа. Однако для Карамзина никакое заимствование идей, убеждений, ценностей ничего не дает народному духу, но может нанести вред. Они должны созреть внутри народа в ходе его собственного исторического развития.

Теперь понятно, почему у Карамзина каждый народ развивается сам и только сам, а его история всегда уникальна, но при этом все народы движутся в одном направлении — в направлении большей свободы и большего нравственного содержания жизни.

Таким образом, нравственный закон, по Карамзину, в первую очередь связан с моралью и этическими нормами. Это своего рода образец поведения человека по отношению к другим людям. Важное место в жизни гражданского общества историограф отводит морали и не видит без нее будущего человеческого бытия. Именно благодаря морали, которая изнутри руководит поведением людей в обществе, человек может отличать добро от зла, радоваться выбору доброго поступка и испытывать угрызения совести, когда он склонился в сторону злодеяния: «Помышляя о тех наслаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно» [Карамзин, 2009, т. 13, с. 26].

Нравственность, как считает историограф, неразрывно связана с воспитанием и просвещением народа. Если уровень просвещения человека низкий, то не стоит надеяться, что его поступки будут основываться на нравственном законе. Но и осуждать его мы не вправе, так как в своих поступках он опирается на свой личный интерес, возможно корыстный, но ведь другого он и не знает. Просвещение формирует рациональное мышление у человека, избавляет его

от эгоизма, вырабатывает критический склад ума и учит быть добродетельным и добропорядочным в отношениях с другими людьми. Благодаря просвещению у человека появляется возможность совершать поступки, основываясь на нравственном законе.

Что же есть мораль, из наук важнейшая, альфа и омега всех наук и всех искусств? Не она ли доказывает человеку, что он для собственного своего счастья должен быть добрым? Не она ли представляет ему необходимость и пользу гражданского порядка? Не она ли соглашает волю его с законами и делает его свободным в самых узах? Не она ли сообщает ему те правила, которые разрешают его недоумения во всяком затруднительном случае, и верною стезею ведет его к добродетели? — Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости: для них нет выбора, нет ни добра, ни зла; но мы не имеем сего, так сказать, деспотического чувства, сего естественного побуждения, управляющего ими; вместо его дан человеку разум, который должен искать истины и добра. Зверь видит и действует; мы видим и рассуждаем, то есть сравниваем, разбираем и потом уже действуем.

[Карамзин, 2009, т. 17, с. 403]

Карамзин считал, что наука и добродетель не могут существовать независимо друг от друга. Видя между ними взаимосвязь, он полагал, что наука без добродетели может использоваться со злым умыслом, а в свою очередь добродетель без науки остановит развитие общества, которое требуется для процветания и достижения общего блага. Карамзин отводил важное место морали в научной сфере, считая ее важнейшей частью науки, которая должна задавать вектор развития и определять пользу достижений. Поэтому только наука в связи с моральными нормами может привести человечество к процветающему и мирному будущему.

Не менее важным представляется показать в данной статье идейное отличие Карамзина от его современников, которые в большей степени тяготели к французской мысли, — М. М. Сперанского и П. А. Вяземского.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) был известным российским государственным деятелем. Образование в семинарии и изучение различных языков, включая латынь, древнегреческий и французский, сильно повлияли на его мировоззрение и интересы. Изучение французского языка и знакомство с идеями французских мыслителей³ сыграли важную роль в формировании

³ Д. Дидро, Вольтер и Ж.-Ж. Руссо.

его мировоззрения и предопределили сферу его научных интересов. В силу этих увлечений социально-политические вопросы устройства государства и общества ему казались самыми существенными, а философско-антропологическая проблематика была вынесена на второй план. Следует отметить, что с идеями немецких мыслителей, в частности с трудами Канта, он познакомился позже, уже в более сознательном возрасте, когда вышли переводы его работ на латинский (1796) и французский (1801) языки.

Сперанский в «Плане государственного преобразования» [Сперанский, 1905], который представлял собой проект реформ для России, основывал свои попытки реформирования отечественной политической системы на идеях французских просветителей и западноевропейском опыте. В нем он предлагал ограничение абсолютной власти монарха в России, введение разделения властей и частичное предоставление политических свобод населению. Рассматривая историю развития народов как борьбу людей за политические свободы и показывая неизбежность данных процессов для высшей государственной власти, он хотел «заимствовать» из Западной Европы институты и практики, которые способствовали бы, по его мнению, модернизации России.

Идеи Сперанского о «заимствовании» европейских институтов для модернизации России и об ограничении власти монарха столкнулись с критикой со стороны Карамзина. Историограф был скептически настроен к таким попыткам и считал, что копирование институтов, без учета особенностей и уровня развития общества, может вызывать конфликты, а затем и спровоцировать кровопролитную революцию. По мнению Карамзина, институты должны быть выработаны внутри народа, его культуры, учитывать обычаи, традиции и народный дух, а не быть привнесенными извне. Он придавал большое значение развитию личности и образованию граждан и утверждал, что развитие гражданского общества и формирование национального самосознания должны предшествовать изменению политических институтов, так как опасался, что внезапные искусственные реформы могут вызвать социальные потрясения и конфликты, которые отдалят Россию от поступательно-эволюционного

А. Г. Варнек. Портрет Михаила Михайлович Сперанского

развития. Историограф был убежден в том, что общественные институты формируются в соответствии с потребностями людей в них и их уровнем развития.

Согласно Карамзину, унификация России по некому усредненному европейскому образцу, как это предлагал сделать Сперанский, является идеей вредной, а в некоторых случаях даже опасной. В проводимых реформах должны учитываться национальные черты, традиции, обычаи и народный дух, в противном случае они не будут иметь должного влияния внутри страны и соотноситься с реальным положением дел. Все государства в мире сами создают и развивают собственные институты, которые отвечают реальным потребностям населения. Поэтому на данном этапе исторического развития России Карамзин отводил важное место абсолютной монархии в жизни нашего государства и общества. Он полагал, что основной миссией монархии является создание полноценной системы школьного, а затем высшего образования, к которым будет доступ у всех без исключения. Только просвещенный гражданин, то есть воспитанный и образованный, сможет понять пользу общего блага и привести страну к процветающему будущему.

Поэтому, в отличие от многих отечественных сторонников французской мысли, Карамзин был противником введения конституции и ограничения власти монарха, но только на определенном этапе исторического развития страны. Его друг и младший товарищ Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) склонялся к логике французской социально-политической мысли эпохи Просвещения. Он поддерживал идею, что для обеспечения личной свободы и прогресса в обществе необходимо иметь конституционно закрепленные институты, такие как свобода слова, свобода печати, свобода объединений и гарантии частной собственности. Эти институты, по его мнению, должны были способствовать ограничению власти монарха, сдерживанию злоупотребления властью на местах, защите гражданских и политических прав граждан.

Лучшим примером для Вяземского стала Франция, а именно Французская революция, по итогам которой в государстве были закреплены основные принципы свободы и гражданские права населения. По мнению Вяземского, сво-

П. Ф. Соколов. Портрет князя Петра Андреевича Вяземского. 1824

бода — это такая организация жизни, при которой человеку гарантированно предоставляется право выбора. Поэтому он пишет, что «вся политика Франции заключается отныне в распространении просвещения и свободе печатания. Букварь будет учителем грядущего поколения и начальные училища Франции училищами рода человеческого» [Вяземский, 1963, с. 50]. По его мнению, гражданину также необходимо предоставить право свободно реализовывать свои интересы и излагать свои мысли. Но Карамзин придерживается мнения, что наличие у гражданина свободы выбора и права реализовывать свои интересы — это далеко еще не свобода. Для него важно понять, какой выбор делает человек, каковы основания, по которым он совершает тот или иной поступок.

Историограф стремился показать Вяземскому, что не конституция и отмена крепостного права ведет к просвещению населения страны, а наоборот, только путем всеобщего просвещения, развития в гражданах страны потенциала к самостоятельной и разумной жизни появляется возможность сформировать у них правильное понимание пользы предоставляемых свобод и законов. Карамзин писал: «...не Конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум» [Карамзин, 2009, т. 13, с. 466]. Без предварительного просвещения и обучения всего населения любые попытки создания и введения конституции, отмены крепостного права могут обернуться негативными последствиями как для государства, так и для общества в целом и неизбежно приведут к кровопролитной революции.

В заключение следует сказать, что в идейном наследии Карамзина мы наблюдаем приоритет этической и философско-антропологической проблематики над социально-политической, который был свойственен именно представителям немецкого Просвещения. Историограф в начале своих философских исканий обращался к целому ряду существующих философских систем и концептов: физиогномике Лафатера, концепции нравственного закона Канта, понятию «народного духа» Гердера. Его интересовали такие проблемы, как революционный и эволюционный пути развития, национальная идентичность и ее истоки, национальная культура и пределы внешнего на нее влияния, образование и политические свободы, народ и власть, нравственный облик власти. Изучение разных философских систем позволило Карамзину выработать общефилософские представления о мире и способах его познания. Он не создал строгого онтологического и гносеологического учения, но применял разные философские системы для познания российской действительности. Используя универсальные философские построения, Николай Михайлович пытался дать ответы на злободневные вопросы, которые на тот момент стояли перед нашей страной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Вяземский П. А.* Книжка вторая (1813–1855) // *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / отв. ред. К. В. Пигарев. М.: Академия наук СССР, 1963. С. 18–88.
- Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784 // *Кант И.* Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.
- Кантор В. К.* Заветы Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 11–40. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-11-40.
- Кара-Мурза А. А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н. М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 101–106.
- Карамзин Н. М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 17. С. 87–142.
- Карамзин Н. М.* Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 15. С. 108–147.
- Карамзин Н. М.* Мнение русского гражданина // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 18. С. 9–13.
- Карамзин Н. М.* Мысли об истинной свободе // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 17. С. 45–46.
- Карамзин Н. М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 17. С. 391–407.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 13. С. 7–472.
- Карамзин Н. М.* Послание к Дмитриеву. В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой жизни // *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Терра, 2009. Т. 14. С. 62–66.
- Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 384 с.
- Сперанский М. М.* План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к Императору Александру». М.: Издание «Русской мысли», 1905. 359 с.
- Тихонравов Н. С.* Сочинения. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 3, ч. 1: Русская литература XVIII и XIX вв. 697 с.
- Schaden Johannes Matthias.* Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. Mosquae: Typis Universitatis per В. Okorocow, 1793. 78 p.

References

Vyazemsky, P. A. (1963) “Knizhka vtoraya (1813–1855)” [“Book two (1813–1855)”], in Vyazemsky, P. A. *Zapisnyye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Ed. by K. V. Pigarev. Moscow: AN SSSR Publ., pp. 18–88.

Kant, I. (1994) “Otvét na vopros: Chto takoye prosveshcheniye? 1784” [“Answer to the question: What is enlightenment? 1784”], in Kant, I. *Sochineniya: v 8 tomakh. Tom 8* [Collected works: in 8 vols. Vol. 8]. Moscow: Choro Publ., pp. 29–37.

Kantor, V. K. (2023) “Precepts of Karamzin”, *Philosophical letters. Russian and European dialogue*, 6(1), pp. 11–40. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-11-40.

Kara-Murza, A. A. (2016) “Karamzin, Shaden i Gellert. K istokam liberal'no-konservativnogo diskursa N. M. Karamzina” [“Karamzin, Schaden and Gellert. To the origins of the liberal-conservative discourse N. M. Karamzina”], *Filologiya: Nauchnyye Issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 1(21), pp. 101–106.

Karamzin, N. M. (2009) “Istoricheskoye pokhval'noye slovo Yekaterine II” [“Historical eulogy to Catherine II”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 17* [Complete works: in 18 vols. Vol. 17]. Moscow: Terra Publ., pp. 87–142.

Karamzin, N. M. (2009) “Marfa-posadnitsa, ili Pokoreniye Novgoroda” [“Marfa the Posadnitsa, or the Conquest of Novgorod”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 15* [Complete works: in 18 vols. Vol. 15]. Moscow: Terra Publ., pp. 108–147.

Karamzin, N. M. (2009) “Mneniye russkogo grazhdanina” [“The opinion of a Russian citizen”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 18* [Complete works: in 18 vols. Vol. 18]. Moscow: Terra Publ., pp. 9–13.

Karamzin, N. M. (2002) “Mysli ob istinnoy svobode” [“Thoughts on true freedom”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 17* [Complete works: in 18 vols. Vol. 17]. Moscow: Terra Publ., pp. 45–46.

Karamzin, N. M. (2009) “Nechto o naukakh, iskusstvakh i prosveshchenii” [“Something about the sciences, arts and education”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 17* [Complete works: in 18 vols. Vol. 17]. Moscow: Terra Publ., pp. 391–407.

Karamzin, N. M. (2009) “Pis'ma russkogo puteshestvennika” [“Letters of a Russian traveler”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 13* [Complete works: in 18 vols. Vol. 13]. Moscow: Terra Publ., pp. 7–472.

Karamzin, N. M. “Poslaniye k Dmitriyevu. V otvet na yego stikhi, v kotorykh on zhaluyetsya na skorotechnost' schastlivoy zhizni” [“Message to Dmitriev. In response to his poems, in which he complains about the transience of a happy life”], in Karamzin, N. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 tomakh. Tom 14* [Complete works: in 18 vols. Vol. 14]. Moscow: Terra Publ., pp. 62–66.

Lotman, Yu. M. (1987) *Sotvoreniye Karamzina [Creation of Karamzin]*. Moscow: Book Publ.

Speransky, M. M. (1905) “Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo: (vvedeniye k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.): s prilozheniyem «Zapiski ob ustroystve sudebnykh i pravitel'stvennykh uchrezhdeniy v Rossii», (1803 g.), statey «O gosudarstvennykh ustanovleniyakh», «O krepostnykh lyudyakh» i «Permskogo pis'ma k Imperatoru Aleksandru»” [“The plan for the state transformation of Count M. M. Speransky: (introduction to the Code of state laws of 1809): with the appendix ‘Notes on the organization of judicial and government institutions in Russia’ (1803), articles ‘On state institutions’, ‘On serfs’ and ‘Perm letter to Emperor Alexander’”]. Moscow: Russian Thought Publ., 359 p.

Tikhonravov, N. S. (1898) *Sochineniya. Tom 3, Chast' 1: Russkaya literatura XVIII i XIX vv. [Works. Vol. 3, Part 1: Russian literature of the 18th and 19th centuries]*. Moscow: M. and S. Sabashnikovyykh Publ.

Schaden, Johannes Matthias (1793) *Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda [Johannes Matthias Schaden. The question is: what is to be decided about luxury, is that it is not the most beneficial to people, states, and monarchies, or if this, or to what extent it is harmful, how to weaken and break its harmful force]*. Moscow: Typis Universitatis per B. Okorocow.

Информация об авторе: Николай Сергеевич Чижков — младший научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: Nikolay S. Chizhkov — Junior Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 27.07.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023.